

Ян Чэнь сглотнул, его кадык вздрогнул. Он долго молчал, прежде чем с трудом выдавить из себя вопрос:

— Это моя вина...?

Его тон был странным, где-то между утверждением и вопросом. Мне следовало бы сказать «именно так», чтобы завершить эту жестокую месть, которую я вынашивал столько лет, и с улыбкой наблюдать за его раскаянием. Но запоздалая месть, как и запоздалые извинения, — это призрак, блуждающий в пустоте времени, бессмысленное письмо, которое уже не имеет значения. Я не был настолько великодушен, чтобы простить, но и радости от этого не испытывал.

Я не хотел лгать, поэтому ответил:

— Нет. Не полностью.

Глаза Ян Чэня были прекрасны. Я никогда не видел его в таком растерянном состоянии. Он всегда был полон энергии, словно навсегда останется тем дерзким и уверенным юношей. Это вызывало во мне лёгкую боль, и я снова терпеливо объяснил ему:

— На самом деле, это всё моя вина, — я начал перечислять на пальцах. — Никто другой не виноват, это мои недостатки привели к моей нынешней неудавшейся жизни. Я гордился своей чувствительностью и ранней зрелостью, думал, что вижу мир иначе, чем другие. Но на самом деле я ничего не могу сделать правильно, поэтому я одновременно и неуверен в себе, и высокомерен. А ещё труслив, неспособен, эгоистичен, глуп, самонадеян... Это моя вина. Потому что я не заслуживаю, но всё равно хочу слишком многого.

— С момента рождения Сюй Цзюньяня всё было одной большой ошибкой, — я взял руку Ян Чэня и сказал серьёзно. — Поэтому я не собираюсь совершать самоубийство, я просто хочу решить эту проблему с самого начала.

Я улыбнулся, и эта улыбка была искренней:

— И я выберу подходящее время, никому не помешаю, и вам не придётся заниматься моими похоронами. Максимум — я стану незначительной обузой для природы. К тому времени ты, наверное, уже женишься, и, возможно, я ещё успею на праздник в честь месяца рождения твоего сына. А Андрей... хм, у него, наверное, уже будет куча белокурых и голубоглазых детишек, которые будут звать меня дядей.

К тому времени Сун Чэн, наверное, уже станет большой звездой, и, чтобы получить его автограф на плакате, придётся искать связи.

Ян Чэнь выглядел бледным. Я взял его руку, чтобы успокоить:

— Это одна из целей моей жизни, как для тебя — создать свою компанию. Это задача, которую я должен выполнить. Мне не нравится ни брак, ни дети. Для большинства людей вторая половина жизни — это пустая трата времени, для меня это скучно.

— Я знаю, что жить — это хорошо, ведь можно любоваться красивыми мужчинами. Возможно, в твоих глазах я странный, без особых причин. Да, нет особых причин, я не пережил какого-то огромного потрясения, я просто слишком слаб. Но... ну, Сюй Цзюньянь такой человек, я — некрасивая ваза, которая разбилась навсегда.

Я тихо сказал:

— Это моя проблема, и я решу её. Ты знаешь, почему я люблю работать сверхурочно и заниматься сексом? Потому что так легче заснуть... Я не знаю, как объяснить это тебе. У каждого свои взгляды. Для меня смерть не мучительна, даже это решение делает каждый следующий день более приемлемым. Иногда просто дышать для меня слишком тяжело.

— Жизнь — это всего лишь череда смертей. Я рад, что могу сам решить, когда и как достичь конца.

— ...Это не так, — рука Ян Чэня на моём плече сжалась, и в его голосе прозвучала едва уловимая растерянность. — Это не так.

— Ян Чэнь, — я коснулся его руки в горячем воздухе, и в итоге это я стал его утешать. Этот результат заставил меня смеяться, но я всё же смягчил голос. — Ты... смотри на это проще.

Он вдруг коротко рассмеялся, а затем, нахмурившись, встал из воды. Ян Чэнь смотрел на меня сверху вниз, сквозь зубы произнеся результат, который я уже давно предвидел:

— Сюй Цзюньян, не заставляй меня связывать тебя. О смерти? Даже не думай.

Ян Чэнь действовал быстрее, чем я ожидал. Накануне вечером наш разговор закончился ссорой, а сегодня утром он вытащил меня из постели, уже готовый отвезти меня к врачу. Сегодня был рабочий день, но для меня, мелкого служащего, прогулы не имели значения. Ян Чэнь, похоже, не спал пол ночи, чтобы уладить свои дела, и судя по всему, собирался провести со мной весь день.

Вчера, из-за усталости и горячей ванны, я спал довольно крепко и понятия не имел, что он делал за компьютером всю ночь. В общем, пока я завтракал, Ян Чэнь держал в руках толстую пачку документов, под глазами у него были лёгкие тени.

Я считал, что это не так уж важно, и с философским спокойствием отнёсся к визиту к врачу, поэтому завтракал не спеша. Пока я чистил яйцо, я спросил:

— В компании столько документов?

— Это не документы, — Ян Чэнь не стал вдаваться в подробности, но его брови оставались нахмуренными, и он бормотал какие-то длинные термины. Я с удовольствием допил миску каши, как вдруг он спросил. — Ты знаешь, что такое шкала самооценки депрессии?

— SDS, знаю, — я равнодушно ответил, глядя на удивлённое выражение Ян Чэня, и добавил. — Self-rating depression scale, сокращённо SDS, тест на депрессию. А что? О, если ты спрашиваешь о моих результатах, скажу тебе, что все эти тесты неточны, мои субъективные ощущения очень изменчивы, в маниакальной и депрессивной фазе результаты разные...

— Хватит болтать, — он постучал пачкой бумаг по столу. — Сколько баллов? Скажи мне, я посмотрю, на каком ты уровне.

Я спокойно посмотрел на него:

— Ян Чэнь, не трать силы зря.

— Я прочитал много материалов, депрессия — это просто болезнь, как простуда или лихорадка,

ты не лечишься, я заставлю тебя лечиться, — Ян Чэнь поднял глаза и встретился со мной взглядом. К моему удивлению, он не разозлился. — Я знаю, что причинил тебе много боли, теперь ты должен дать мне шанс всё исправить. Пожалуйста, Сюй Цзюньянь, просто сотрудничай с врачом, меньше мучай себя, и я буду благодарен, хорошо?

Я промолчал. Ян Чэнь опёрся на лоб, и в его голосе прозвучала усталость:

— Что мне сделать, чтобы ты слушался?

— ...У меня умеренная депрессия, биполярное расстройство и суицидальные наклонности, я проходил профессиональное психологическое лечение в течение двух лет. Принимал таблетки фумарата кветиапина и карбоната лития, но уже четыре месяца как перестал их покупать, — я опустил глаза и чётко произнёс, глубоко вздохнув. — Ян Чэнь, ты не помогаешь мне, ты разрушаешь мой жизненный план. Если ты действительно любишь меня, позволь мне делать то, что я хочу. Я буду тебе благодарен.

— Мне не нужна твоя благодарность, — после долгого молчания он сказал. — Ненавидь меня, если хочешь, но я хочу, чтобы ты жил.

Ян Чэнь привёл меня к врачу по фамилии У. Пока он шёл, мы сидели в уютной приёмной. Я внимательно изучил его впечатляющее резюме. На фото мужчина выглядел серьёзным и солидным, ему было около тридцати с небольшим, и даже по фотографии чувствовалась его «типичная психологическая» аура.

— У него много успешных случаев лечения, он точно сможет тебя вылечить, — уверенно сказал Ян Чэнь, стоя за моей спиной. — Если ты будешь сотрудничать...

— Конечно, я буду сотрудничать, — я прервал его, пожимая плечами. — Сколько ещё ждать?

— Извините, что заставил вас ждать.

Едва он произнёс это, как дверь открылась, и доктор У с извиняющейся улыбкой вошёл. Он выглядел гораздо мягче, чем на фото, и казался моложе. Время было выбрано настолько идеально, что я чуть не подумал, что он стоял за дверью, ожидая, пока мы начнём жаловаться. Но это была настолько абсурдная мысль, что я оставил её при себе.

Мне было скучно, я взглянул на него и тут же отвел глаза, продолжая разглядывать книги в шкафу. Ян Чэнь встал и пожал ему руку. В присутствии посторонних он всегда был надёжным и зрелым. Он кратко представил:

— Доктор У, извините за беспокойство, всё произошло внезапно. Я Ян Чэнь, а это мой любимый, Сюй Цзюньянь.

Он говорил спокойно, и доктор У не проявил ни малейшего удивления, улыбнувшись:

— Здравствуйте, господин Ян. Ничего страшного, я понимаю. Сюй Цзюньянь, да? Приятно познакомиться, я представляюсь, меня зовут У Мян.